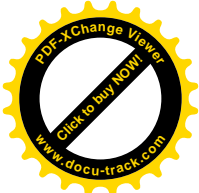
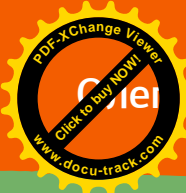

Трансформации Великой Утопии Советское наивное искусство

Transformations of the Great Utopia
Soviet Naive Art

Советский город: социалистическая архаика

«Буржуи Древнего Рима»

Город и архаика – на первый взгляд явления взаимоисключающие. В европейской гуманитарной традиции древность – это «детство человечества» (К. Маркс); город – напротив, его взрослое состояние. Для И.Г. Гердера – философа и поэта, младшего современника Канта, «...в городских стенах на малом пространстве теснилось все, что только могли пробудить, создать прилежание, находчивость, гражданская свобода, хозяйство, порядок, нравственность... Города совершили то, чего не хотели и не могли совершить государи, священники, дворяне, – они создали солидарно трудящуюся Европу» [1, с. 604].

Литераторы XIX века могли восхищаться городом и могли, наоборот, проклинать и обличать его, наделять уничижительными эпитетами: «гнусный», «мерзкий», «противоестественный»... Так, например, писал о городе некогда популярный в Германии сочинитель В. Рюль – большой знаток русской словесности [15, с. 95]. Однако все они – и урбанисты, и «деревенщики» – сходились в одном: город – это концентрат современности – динамичной и конфликтной, одновременно комфортной и убогой, наполненной воздухом свободы и оснащенной новыми оковами.

*Знаю, на место цепей крепостных
Люди придумали много других.*

Н.А. Некрасов

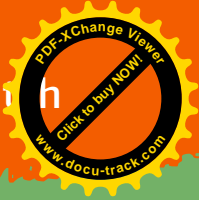
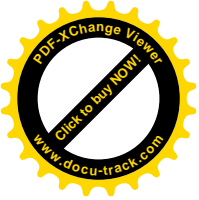
«Другие цепи» – это власть денег, это все возрастающее давление холодной рассудочности, это узкая и плоская экономическая рациональность в поведении, вытесняющая яркие и неподдельные человеческие чувства, но ставящая препоны самоволию, разгулу первобытных инстинктов,

гасящая дикие взрывы страстей. Такой увидел городскую культуру в начале XX столетия Георг Зиммель – философ, силою мысли осветивший внутреннее настроение современной ему цивилизации [2, с. 23–34].

Карл Маркс поставил знак равенства между «городскими» и «буржуазными» отношениями [6, с. 470]. Города – это оплот капитализма, и не только потому, что в них расположены банковские конторы, большие магазины и промышленные предприятия. В городах сосредоточено все то, без чего не может происходить накопление капитала, – дома для рабочих, школы, больницы, центры досуга, коммуникации. Все это Маркс когда-то назвал коллективными средствами потребления, или, по-другому, инфраструктурой буржуазного общества, непременным условием существования города. И облик города по своему вкусу формирует буржуазный класс.

В начале XX века историки, увлеченные марксизмом, пытались совместить образы античной городской римской, афинской, эллинистической цивилизаций с новейшими социологическими теориями и открывали следы буржуазности в социальной организации греческих полисов, в хозяйственной жизни Римской Республики. Интеллектуальным бестселлером стала книга немецкого историка Э. Мейера «Экономическое развитие Древнего мира», изданная первоначально в Германии в 1895 году. В ней ясно, четко и однозначно была сформулирована идея о буржуазной эволюции древних обществ [7].

О «римском капитализме» писали и в Германии, и в России. Современный исследователь обнаружит более дюжины отечественных монографий, статей и брошюр, объединенных этой тематикой: здесь и солидные монографии о банковских депозитах в Древнем мире, и репринты (к примеру «Несколько соображений об особенностях древнеримского капитализма»), и журнальные статьи [5, с.107–110].

Soviet City: the Socialist Antiquity

“The bourgeois of ancient Rome”

At first glance the city and the antiquity are two mutually exclusive phenomena. In the European humanitarian tradition antiquity is “the childhood of humanity” (K. Marx); the city – on the contrary – denotes its maturity. For J.G. Herder – philosopher, poet and junior contemporary of Kant, “...inside the city walls, in the limited space, there was everything what could only be awakened, created by diligence: resourcefulness, civil liberty, economy, order, morals... The cities did what the monarchs, priests, noblemen didn't want and couldn't do – they created Europe labouring in solidarity” [1, p. 604].

Writers of the 19th century could admire the city or vice versa, curse and thunder against it, give it pejorative titles like: “flagitious”, “disgraceful”, “unnatural”... That what W. Riehl – once a popular German author and a connoisseur of Russian literature – wrote about the city [15, S. 95]. But all of them – the urbanists and the “lovers of the village” – agreed on one: the city is the concentration of the contemporaneity – dynamic and conflictual, comfortable and miserable at the same time, filled with the air of freedom and fitted with new fetters.

*I know, that instead of the chains of serfdom
People have invented a lot more.*

N. A. Nekrasov

“These other chains” are the power of money, the growing pressure of cold common sense, narrow and flat economic rationality of behaviour, replacing bright and genuine human feelings, but raising obstacles to lawlessness and rampancy of primitive instincts, extinguishing wild outbursts of passions. That was the way city culture was seen in the beginning of the 20th century by Georg Simmel – a philosopher, who with the help of the power of reason

elucidated the inner feelings of the civilization of his day [2, p. 23-24].

Karl Marx put the equal sign between “the urban” and “the bourgeois” relations [6, p. 470]. Cities are the stronghold of capitalism, and not only because of the banks, shops and industrial facilities. The cities concentrate everything essential for the accumulation of capital – houses for the working people, schools, hospitals, leisure centres and communication lines. Marx called these things “communal means of consumption” or, in other words, infrastructure of the bourgeois society, the essential condition for the existence of the city. And the image of the city shapes the bourgeois class in its own way.

In the beginning of the 20th century Marxist historians tried to combine the images of the antique urban Roman, Athenian, Hellenistic civilizations with the latest sociological theories and revealed bourgeois traces in the social organization of Greek city-states, in the economic life of the Roman Republic. The book by the German historian Eduard Meyer “Economic development of the Ancient world” originally published in Germany in 1895 became an intellectual bestseller. It presented an unequivocal conception of bourgeois evolution in antique societies [7].

“Roman Capitalism” was addressed both in Germany and Russia. Contemporary researcher will find more than a dozen of monographs, papers and brochures written in Russia on this topic: substantive studies on bank deposits in the Ancient world and reprints (for example “Several Thoughts on the Specificity of Capitalism in the Ancient Rome”), and journal articles [5, p.107-110].

Only a century later Marxist sociologists would leave out the excessive rigidity of their ideological mentor: “The urban phenomenon preceded the development of Capitalism; some of the urban traits seem inappropriate for capitalist accumulation even today. In small towns in particular eco-